

Г. Е. АРЕШЯН

ЖЕЛЕЗО В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И БАССЕЙНА ЭГЕЙСКОГО МОРЯ

(по данным письменных источников)

Дошедшая до наших дней литературная традиция Древнего Востока и античности содержит две группы источников о древней металлургии, в том числе и о металлургии железа. К первой группе относятся многочисленные мифы о богах-кузнецах, покровителях металлургии: Птахе, Гефесте, Индре, Аменешпент Кшатра Вайрийе, Тубалкаине, Вулкане, Циклопах и т. п. Эта категория мифологических источников, о которой существует обширная литература по истории религии¹, исключительно сложна для культуроведческого исследования.

Вторая группа свидетельств предстает непреломленной сквозь призму религиозного сознания. В свою очередь она распадается на две подгруппы. Первая состоит из легенд, приписывающих изобретение сидерургического процесса, его совершенствование, интенсификацию той или иной этнической группе в конкретной географической области. Вторая подгруппа свидетельств, которой и посвящается настоящая статья, объективно констатирует в связи с тем или иным событием существование железных артефактов, технологических процессов, конкретных памятников материальной и духовной культуры. Эти последние источники разновременны, многообразны и гораздо более достоверны сравнительно с первыми.

Развитие индустрии железа в Древнем Египте началось сравнительно поздно, со времен завоевания Ашшурбанипала (VII в. до н. э.). Все же, исходя только лишь из письменных источников, очевидно, что египтяне были знакомы с железом на протяжении II тысячелетия до н. э. Железо это — исключительно метеоритного происхождения, о чем свидетельствует термин *bj 3.n.pt.*, т. е. «металл неба», появившийся со времен гиксосского владычества. Археологические находки свидетельствуют о том, что железные предметы спорадически появлялись в Египте еще с IV тысячелетия до н. э., однако они никак не повлияли на производство.

Одно из писем, обнаруженных в Телль-эль-Амарне, сообщает о отправке железных изделий митаннийским царем Тушратта фараону Аменхотепу III. Среди даров Тушратта наряду с другими железными предметами упомянут кинжал с клинком из *ragzillu*, рукоять которого покрыта лазуритом, оправленным в золото. После воцарения на египетском престоле Аменхотепа IV — Эхнатона Тушратта вновь посылает, теперь уже молодому фараону, драгоценности, и в том числе десять железных перстней, покрытых золотом, что указывает на ценность железа, направляемого в качестве царского подарка. С такой посылкой, вероятно, следует связывать и часть железных изделий из гробницы Тутанхамона, которые также

¹ R. J. Forbes. *Studies in Ancient Technology*, t. VIII, second ed., Leiden, 1971, p. 80–85. Там же см. основную литературу по металлургической мифологии.

выступают либо в роли драгоценностей, либо в виде сакральных предметов².

Железо, известное в древнейшие времена в Месопотамии и Эламе, своим происхождением также связывалось с метеоритами. Об этом свидетельствует шумерская терминология: AN.BAR.— железо, дословно «небесный камень»; ZID.ZID.AN.BAR.— железный порошок; ^{2a}ANBAR.— железный камень, железная руда.

Сакральное значение, придававшееся железу народами Древнего Востока в III—II тысячелетиях до н. э., было обусловлено представлением о металлической «тверди небесной», о небе, выкованном из меди, или даже железном небе (древнегреч. σιδήρεος οὐρανός). Закономерно, что падение «небесных камней» — метеоритов (большую часть найденных на земле случайно метеоритов составляют сидериты — около 60%) — должно было объяснить появление железа сверхъестественным путем. Падение метеоритов и в античное время рассматривалось как божественное предзнаменование. В связи с этим существенный интерес представляют свидетельства Плиния Старшего о «железном дожде» в Лукании, что считалось дурным предзнаменованием³, и о почитании метеоритов в разных городах⁴. Значительный материал о связи железа с космической мифологией можно найти в работе Б. Е. Деген-Ковалевского⁵.

В отдельных месопотамских и эламских текстах первой половины II тысячелетия до н. э. также засвидетельствовано железо. Табличка времен Первой династии Суз наряду с золотом, серебром и слоновой костью упоминает железную каску — hullam ra-ar-zi-li⁶. Во времена Хаммурапи железо ценилось в восемь раз дороже серебра. Ряд других документов относится к северо-западной Месопотамии и Сирии. Тексты из Мари сообщают о посылке царем Кархемиша Аплаханда железного браслета в виде подарка «своему брату», правителю Мари. В списки сокровищ храма богини Нин-Эгаль в Катна (совр. Мишриф) отмечены семь маленьких кусочков железа, шесть из которых были оправлены в золото. Этот список храмового инвентаря относится ко времени Тутмоса III (около 1475 г. до н. э.). К XV столетию до н. э. относится и одно из древнейших упоминаний железного оружия в табличках из Аллалаха. Среди захваченной добычи царь Аллалаха Аммитаку перечисляет и оружие ŠUKUR, изготовленное из железа.

Обращаясь к Малой Азии, следовало бы ожидать, исходя из теории хеттской прародины железоделательной индустрии, значительного числа письменных свидетельств об употреблении железа в середине II тысячелетия до н. э. Деловые документы торгового объединения в Канише XIX—начала XVIII в. до н. э. упоминают металл amutum, который в пять раз дороже золота и в сорок — серебра⁷, вероятнее всего, что amutu(m) обозначало «метеорное железо»⁸. Одно из писем-распоряжений показывает, что железные кольца могли выдаваться в виде залога: «Кольцо метеоритного железа, которое за 15 сиклей серебра залогом они будут депонировать...»⁹.

Если эти документы, говорящие о железе, были связаны с «международной» торговой организацией, то почти одновременная им древнейшая

² И. Лурье, К. Ляпунова, М. Марье, Б. Пиотровский, Н. Флиттнер. Очерки по истории техники Древнего Востока. М.—Л., 1940, стр. 91; R. J. Forbes. Op. cit., t. IX. Leiden, 1972, p. 238—241, 268.

³ См. Plin. Nat. Hist. II, 147.

⁴ Ibid., 149, 150.

⁵ Б. Е. Деген-Ковалевский. К истории железного производства Закавказья, ИГАИМК, 120. М.—Л., 1935, стр. 241—243, 396—417.

⁶ V. Scheil. Pa-ar-zi-lu, «fer» sous la première dynastie. RA, t. XXV, 1928, p. 42.

⁷ R. J. Forbes. Op. cit., p. 244, 260, 265.

⁸ W. von Soden. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959, S. 47.

⁹ Н. В. Янковская. Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. «Памятники письменности Востока», XIV. М., 1968, стр. 169, № 68.

хеттская надпись царя Анитты Кушпарского, сына Питханы, вводит нас в круг малоазийской культуры: «И я пошел к городу... И человек из города Пурушханды... Он мне принес железный трон и железный скипетр, как было велено. Когда же обратно в город Несу (я шел), тогда человека из города Пурушханды я (назад) с собой привел»¹⁰. Железный трон и железный скипетр Пурушханды стали сокровищами древнехеттских царей. Другие сведения о железе можно почерпнуть из анализа хеттских законов и текстов времен Нового царства (период империи — XV—XIII вв. до н. э.).

Основным источником, неоднократно приводившимся для доказательства «изобретения» железоплавильного дела хеттами в XV в. до н. э., является следующий отрывок царского письма (KBo1, 14): «Что касается хорошего железа, о котором ты писал мне, хорошее железо в Киццуватне в доме моей печати иссякло. Время плохое для изготовления железа (об этом.— Г. А.) я писал. Когда они закончат, я пошлю (его) тебе. Сегодня нынче я направляю тебе лезвие железного кинжала». Как показал А. Гётце¹¹, данный текст не имеет никакого отношения к XV в. до н. э., а является письмом Хаттусилиса III, наследника Урхи-Тешупа, к ассирийскому царю Салманасару I и, следовательно, датируется XIII в. до н. э., т. е. эпохой, очень близкой к начальному этапу индустриального освоения железа в обширных регионах Западной Азии. Однако прежде чем было сделано это существеннейшее хронологическое уточнение, точка зрения на хеттов как на первых сидерургов Древнего мира уже получила права гражданства и по сей день остается господствующей в археологической литературе. Из письма, очевидно, следует, что направляемый в качестве подарка железный кинжал считался царской драгоценностью, а «плохое время для изготовления железа» объясняется гораздо лучше культовыми канонами, нежели причинами производственного характера. Сказанное вполне подтверждается и другими источниками.

Особый интерес представляют так называемые хеттские «Дарственные тексты». Одна из этих грамот после перечисления даримого заканчивается следующим образом: «Слова табарны Арнуванда, великого царя, Асмуникал, великой царицы, и Тутхалия, царевича, tuhukanti¹² — из железа (курсив наш.— Г. А.). (Их) нельзя отбросить, нельзя разбить. Кто (их) изменит, лишится своей головы»¹³. Здесь мы впервые встречаемся не с упоминанием какого-либо железного предмета, а со сравнением, где железо выступает эпитетом, определяющим нерушимость, твердость царского слова. Таким образом, железо перестает быть только лишь осязаемым предметом, которому во многих случаях придавалось сакральное значение, его физические свойства приобретают в мышлении древних совершенно самостоятельное значение и образно переносятся на различные явления и объекты, ничего общего не имеющие с металлом. Это означало новый уровень знакомства с железом в Западной Азии. С аналогичными представлениями о железе мы столкнемся при анализе гомеровских поэм.

Не меньшее значение имеют хеттские «Строительные тексты». В одном из них указаны конкретные пункты добычи полезных ископаемых, и среди них: «...черное небесное железо (AN.BAR.GE₆ nepsis) с неба получили, медь (и) бронзу из «города» Аласия (и) с горы Таггата принесли»¹⁴. Текст, очевидно, указывает, что метеориты являлись едва ли не основным источником хеттского железа.

Культовое значение железа во времена Новохеттского царства подтверждается списками храмового инвентаря. В них упоминаются железные

¹⁰ «Хрестоматия по истории Древнего Востока». Под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963, стр. 304—306.

¹¹ A. Goetze. Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography. YOSR, t. XXII, 1940, p. 27—33.

¹² Титул наследника царского престола.

¹³ Э. А. Менабде. Хеттское общество. Тбилиси, 1965, стр. 55.

¹⁴ Э. А. Менабде. Ук. соч., стр. 61, 62.

фигурки людей, животных, птиц и т. д. Наиболее важные документы записывались на железных табличках. Однако нет в отличие от других металлов никаких сведений ни о добыче железа, ни о железном оружии, за исключением тех редких случаев, когда оно являлось драгоценностью (как, например, в письме Хаттусилиса III), ни об орудиях труда, ни тем более о какой-либо железной индустрии. Весьма показательны, что во время действия хеттских законов соотношение стоимости металлов: меди — серебра — золота — железа выражалось как 1 : 160 : 1280 : 6400¹⁵.

Насколько метеоритное происхождение железа, его баснословно высокая стоимость, а также отсутствие упоминаний о производстве могут свидетельствовать в пользу теории хеттской прародины сидерургии — пусть судит сам читатель. Мы же обратимся к анализу свидетельств «Илиады», во многом перекликающихся с хеттскими письменными памятниками.

Уже давно было подсчитано и неоднократно отмечалось в филологических и археологических исследованиях, что железо упоминается в «Илиаде» и «Одиссее» 49 раз, в первой 24, во второй 25. В «Илиаде» на одно упоминание о железе приходится 14 свидетельств о бронзе, а в «Одиссее» 4. Эти данные, без анализа их содержательной стороны, использовались для доказательства отражения гомеровскими поэмами культуры и общества Греции исключительно начала I тысячелетия до н. э. Они же привлекались для утверждения о более позднем времени создания «Одиссеи» по сравнению с «Илиадой». Не нам оспаривать разноплановость и различие источников этих двух поэм. Д. Пэйдж подчеркивает более развитую ступень языка «Одиссеи» по сравнению с «Илиадой». Словарный запас «Илиады» отличен от «Одиссеи». Существенны и различия в идеях собственно поэтического материала поэм¹⁶.

Основные стороны «гомеровского вопроса», остро дискутируемого на протяжении последних двух столетий (если не считать античных и средневековых критиков), приобрели в настоящее время совершенно новую окраску, а многие из них потеряли существенную часть своего познавательного интереса. Однако перед тем как перейти к анализу интересующих нас упоминаний о железе в поэмах, правомерно поставить вопрос: отражают ли они металлургическую ситуацию в Пелопоннесе, Средней Греции и на западе Малой Азии в XI—IX вв. до н. э. или же в основном восходят к предшествующей, додорийской эпохе?

Уже замечательные открытия Шлимана показали, что в основе поэм Гомера лежали реальные события, целая исчезнувшая цивилизация. Выдающийся шведский ученый Мартин Нильссон в ряде капитальных трудов по истории греческой религии и культуры обстоятельно показал ахейские истоки существеннейшей части сказаний, вошедших в «Илиаду» и «Одиссею». Он же обосновал микенское происхождение важнейших культов древнегреческой религии¹⁷. В свете этих исследований становится очевидным, что певцы-аэды отдавали предпочтение именно ахейскому этносу. Ионийские центры находятся как бы на втором плане, тогда как дорийцы, появившиеся позднее, практически не фигурируют в эпосе.

Еще Т. В. Аллен, исследовавший «Каталог кораблей» второй песни «Илиады», подчеркивал наличие в нем развернутой картины политических, географических и этнографических условий, существовавших именно в героический период XIV—XIII вв. до н. э. Позднее В. Бурр отмечал, что все ахейские города, перечисляемые «Каталогом», в действительности существовали в третьей четверти II тысячелетия до н. э., тогда как названия Акарнании, Мессении, Мегары, Озолийских Локр и др., появившиеся позднее, не упоминаются текстом. Не меньший интерес с точки зрения

¹⁵ Э. А. Менабде. стр. 67.

¹⁶ D. Page. The Homeric Odyssey. Oxford, 1955, p. 148, 152, 157.

¹⁷ M. P. Nilsson. Homer and Mycenae. London, 1933; *Idem*. The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkeley (Calif.), 1931; *Idem*. The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. London, 1950.

совмещенного филолого-археологического исследования представляет работа С. М. Боура об эпитетах Трои в поэмах. Ряд эпитетов бесспорно доказывает знакомство их авторов с обликом Приамовой Трои, что могло иметь место около 1275—1240 гг. до н. э., но никак не позднее 1100 г. до н. э., так как около этого времени город был окончательно покинут и разрушен.

В настоящее время в результате археологических изысканий установлен целый перечень памятников культуры, описанных или упомянутых в «Илиаде» и «Одиссее», которые существовали только лишь в ахейскую эпоху. Причем, по мнению Т. В. Блаватской, археологические источники позволяют выделить в поэмах два ахейских пласта: XVI—XV и XIV—XIII вв. до н. э.¹⁸ Даже гиперкритики, отрицающие принадлежность основного содержания гомеровских поэм к ахейской эпохе, такие, как Лоримэр, пытавшаяся доказать формирование эпоса в VIII—VII вв. до н. э., оказались вынужденными признать, что лишь в «Одиссее» можно усмотреть два «...конкретных предмета, ...которые не могут найти места до VII века до н. э.». Один из этих предметов — лампа, которой Афина освещала дорогу Одиссею и Телемаху¹⁹, другой — бляха-фибула, украшавшая одежду Одиссея²⁰ во время его отправления под Трою²¹. Однако, как показал Бизли, именно этот тип ламп был обнаружен в микенских гробницах²².

Данные археологов все более подтверждались новыми исследованиями филологов и лингвистов. Необходимо признать, что отнесение гомеровских поэм к ахейскому эпосу в настоящее время все более основывается на лингвистических разработках, хотя толчком для них в значительной степени послужили археологические изыскания. Наиболее вероятной датой «Илиады» и «Одиссеи» в их завершенном виде следует признать VIII в. до н. э.²³ Еще в прошлом столетии Ф. Ричль и вслед за ним Г. Гинрихс показали преемственность эпического песнопения от эпохи, изображенной в поэмах до периода их окончательного оформления. В результате лингвистических исследований А. Мейе и его последователей было установлено наличие трех стадий греческого эпоса: ахейской, эолийской и ионийской, причем именно последняя приходится на первую треть I тысячелетия до н. э. и завершается окончательным сложением текста в VIII в. до н. э.

Эти выводы подготовили переворот в диалектологической оценке поэм, который произошел в результате дешифровки крито-микенского линейного письма В. Уже в первом сообщении о результатах дешифровки М. Венрис и Дж. Чэдвик подчеркивали, что новообнаруженный вариант древнейшего греческого языка близок языку Гомера.

И. М. Тронский писал: «...гомеровский язык заставляет постулировать в качестве своего предшественника устно-поэтический язык микенского времени... Гомеровской «эпохи» как некой синхронной реальности, изображаемой в эпосе, не существует; в эпосе отражена не отдельная эпоха, а огромная перспектива исторического развития. Это справедливо и по отношению к содержанию поэм, и в плане их языка»²⁴.

Исходя из сказанного, представляется вполне обоснованным утверждение о реальном отражении «Одиссеей», и в особенности «Илиадой», металлургической ситуации в бассейне Эгейского моря в XIV—XIII вв. до н. э. Однако, как отмечается, эти поэмы не являются историческим повествованием, в них существует определенный асинхронизм явлений и фактов. При этом поздние наслоения XI—IX вв. до н. э. неизбежно будут носить

¹⁸ Т. В. Блаватская. Ахейская Греция. М., 1966, стр. 8—16.

¹⁹ Od. XIX, 34.

²⁰ Od. XIX, 226—231.

²¹ H. L. Lorimer. Homer and the Monuments. London, 1950, p. 509—511.

²² JHS, t. LX, 1940, p. 22.

²³ И. М. Тронский. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973, стр. 116, 125.

²⁴ И. М. Тронский. Ук. соч., стр. 103—162, 133, 150, 151.

вне зависимости от их объема случайный характер. Именно здесь при выявлении социокультурных реалий третьей четверти II тысячелетия до н. э. в гомеровских поэмах приходит на помощь теория Милмана Пэрри, развитая его учеником А. Лордом. Эта теория сама по себе явилась важнейшим этапом в доказательстве микенской принадлежности основных частей гомеровского эпоса.

Устная поэзия по способу своего сложения прямо противоположна письменной. В обществах, в которых искусство письма не применяется для фиксации поэтического творчества, поэт слагает свои стихи из метрических формул — фиксированных групп слов, традиционных фраз описательного характера, логико-поэтических стандартизированных отрезков. Запас таких формул, постепенно накопленный за длительный период, «снабжает» сказителя при необходимости целой группой строф или одной строфой, или частью строфы в готовом виде. Что бы ни захотел воспеть сказитель в пределах определенной традиционной тематики — все это могло быть, и зачастую должно было быть выражено в строфах, задолго до того предназначенных для этой цели и немедленно продиктованных аэду его тренированной памятью. М. Пэрри подчеркивал, что в процессе устного стихосложения поэт «отказывает себе в каком-либо другом (кроме метрически-формализованного и образно-типического.— Г. А.) способе выражения мысли».

В «Илиаде» и «Одиссее» полностью тождественны друг другу или обладают практически незаметными отличиями 9253 стиха, т. е. почти треть объема поэм. Среди них эпитеты людей, богов, вещей являются наиболее часто повторяющимися элементами²⁵.

Важная заслуга М. Пэрри заключалась в доказательстве теснейшей связи формул, состоящих из имен собственных и сопровождающего эпитета, с метрической структурой эпического стиха — гекзаметром²⁶.

Таким образом, устность гомеровских поэм требовала повторяемости содержательной стороны формул, обусловленных в свою очередь формально-метрическими закономерностями стихосложения. В гомеровском эпосе «...одна формула, как правило, не может занять место другой, в той же части стиха, без изменения смысла декламируемого»²⁷.

Исходя из сказанного, можно обратиться к краткому рассмотрению метрических формул сидерургического содержания. Их логический анализ позволяет выделить три основные функции железа в микенскую эпоху. Формульное упоминание железа содержится в следующих стихах «Одиссеи»:

«Ты своей головы не жалеешь,
В город собираясь идти к женихам беззаконным, которых
Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба»²⁸.

(перевод В. Жуковского)

Далее опять мы видим повторение того же стиха²⁹.

В другом отрывке «Илиады» опять-таки очевидно проявляется представление о «небесном» железе, его сакральном значении в связи с небесной твердью. Во время битвы над телом Патрокла:

«Яростно бились воины; гром, раздаваясь железный
К медному небу всходил по пустынным пространствам эфира»³⁰.

(перевод Н. Гнедича)

²⁵ С. E. Schmidt. Parallel-Homer. Göttingen, 1885.

²⁶ Перечень трудов Милмана Пэрри см. в статье А. Б. Лорда в AJA, t. LII, 1948, p. 43.

²⁷ D. Page. Op. cit., p. 139.

²⁸ Od. XV, 328—329.

²⁹ Od. XVII, 560, 564, 565.

³⁰ Il. XVII, 424, 425.

Железо фигурирует как металл богов и при описании колесницы Геры. Из него изготовлена ось колесницы³¹. В другой ойме Зевс угрожает ослушникам низвержением в сумрачный Тартар, «где и медяный помост, и ворота железные...»³².

Другая функция железа обусловлена его практической ролью в ахейском обществе. В самой распространенной формуле, связанной с этой функцией, ему сопутствует эпитет *πολύμητος*, означающий «изготовленный с большим трудом»³³, что переводилось Н. Гнедичем как «хитрое изделие», «красивое изделие». Менелай, повергнув Адраста, собирается поразить его копьём. Адраст обещает выкуп за помилование: «Много и меди и злата, и хитрых изделий железа»³⁴. Сыны Антимаха сулят Агамемпону за свое спасение «Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа»³⁵.

А в «Одиссее» Пенелопа направляется в сокровищницу, где хранятся «Золото, медь и железная утварь чудесной работы»³⁶. Во всех этих случаях соответствующий стих передается стандартной строфой: *χαλκός τε χρυσός τε πολύμητος τε σίδηρος*. Данная метрическая формула, помимо цитированных отрывков, несколько раз повторяется в «Илиаде» и «Одиссее»³⁷. Она служит средством образного описания сокровищ и не подлжет ни малейшим изменениям. Очевидно, что в приведенном стихе ни медь, ни золото, ни «многотрудное железо» не несут самостоятельной смысловой нагрузки и выступают вместе для определения драгоценностей. Медь неоднократно упоминается в гомеровских поэмах в разных словосочетаниях, описывающих оружие, орудия и т. п., в то время как основная практическая функция железа — роль драгоценного металла. Менее часты упоминания «седого железа» в качестве эквивалента меновой стоимости³⁸.

В третьей группе типичных свидетельств железо выступает в виде метафорического эпитета. Приам сообщает Гекубе о своем намерении направиться к Ахиллесу для выкупа тела Гектора. Та ему возражает: «...Хочешь один ты, старец, идти к кораблям мирмидонским?... У тебя не железное ль сердце?»³⁹. *Σιδήρειόν νό τοι ἦτορ* повторяется еще⁴⁰. «Железное сердце», «железная душа» в различных метрических формулах неоднократно встречается в поэмах⁴¹. В других отрывках железу приписывается сверхъестественная сила, характерная для героев, а также тех или иных явлений. Гектор объявляет о намерении сразиться с Ахиллесом:

«Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
Руки подобны огню, а душа и могучесть — железу!»⁴².

(перевод Н. Гнедича)

Во время сожжения тела Патрокла Ахиллес:

«...костер предоставивши огненной силе железной,
Громко Пелид возопил, именуя любезного друга...»⁴³

(перевод Н. Гнедича)

Свидетельства о железе, сохраненные «Илиадой» и «Одиссеей», показывают, что в культурной среде Греции и Западной Малой Азии XV—XII вв.

³¹ II. V, 723.

³² II. VIII, 13—15.

³³ И. Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь, т. II. М., 1958, стр. 1346.

³⁴ II. VI, 48.

³⁵ II. XI, 132, 133.

³⁶ Od. XXI, 8—10.

³⁷ II. X, 379; Od. XIV, 324.

³⁸ II. VII, 473; Od. I, 184.

³⁹ II. XXIV, 200—205.

⁴⁰ II. XXIV, 521.

⁴¹ II. XXII, 357; Od. IV, 293; V, 191; XXIII, 172.

⁴² II. XX, 371—372.

⁴³ II. XXIII, 177, 178.

до н. э. этот металл выполнял три основные функции: сакральную, в которой железо тесно связывалось с религиозными представлениями, материально-ценностную, когда оно выступало в качестве сокровища или рассматривалось как драгоценность и, наконец, образно-метафорическую, проявляясь в мышлении древних, что было обусловлено определенной степенью знакомства со свойствами данного металла.

Некоторые упоминания о железе в «Илиаде» и «Одиссее» выпадают из этой классификации. Вне зависимости от того, являются ли они интерполяциями эолийского времени или нет, при рассмотрении выявляется их случайный, несистематический характер⁴⁴.

В целом функция железа, по данным гомеровских поэм, мало отличается от его роли в культуре Западной Азии третьей четверти II тысячелетия до н. э. Более того, место железа в ахейской культуре почти тождественно тому положению, которое оно занимало в хеттской. В мышлении хеттов времен империи, как следует из цитированного выше «дарственного текста» Арнуванда, железо начинает играть ту же образно-метафорическую функцию, что в «Илиаде» и «Одиссее». Вместе с тем приведенные материалы не позволяют постулировать существование индустрии железа в XIV—XIII вв. до н. э., которая могла бы отразиться на производстве оружия и орудий в каком-либо центре Западной Азии. Герои «Илиады» сражаются исключительно бронзовым оружием, и основные орудия известные ахейскому эпосу, также изготовлены из бронзы.

Следующим, более поздним источником, рисующим картину становления сидерургии, является Ветхий Завет. Несмотря на то что Числа, Первая книга Самуила и, естественно, Второзаконие показывают качественно новый уровень знакомства общества с железом и возникновение индустрии, все же в этих частях Ветхого Завета встречаются упоминания, аналогичные по смыслу разобранным выше. Достаточно очевидно сакральное значение, придававшееся железу израильянами в последние века II тысячелетия до н. э.: «Тогда Иисус устроил жертвенник господу, богу Израилеву на горе Гевал... — жертвенник из камней цельных, на которые не поднимали железа; и принесли на нем жертвы господу...»⁴⁵. Или же: «И устрой там жертвенник господу, богу твоему, жертвенник из камней, не поднимая на них железа»⁴⁶. Несколько иначе звучит следующий отрывок, в котором сакральное значение железа выступает в формуле проклятия: «Если же не будешь слушать гласа господа, бога твоего,... Проклят ты (будешь) в городе, и проклят ты (будешь) на поле... И небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью, и земля под тобою железом»⁴⁷.

Когда в XIII столетии до н. э. или около этого времени Израиль захватывал города и земли хананеев, железо считалось дорогостоящим метал-

⁴⁴ В «Илиаде» дважды со всей определенностью засвидетельствовано оружие из железа: булава Арейфооя (II. VII, 141, 144) и железная стрела Пандара (II. IV, 123). Если подходить к «Илиаде» как к многослойному эпическому памятнику, основное ядро которого сложилось в микенскую эпоху, эти упоминания не могут нарушить предложенную классификацию. О том же говорит и статистическая закономерность фиксации железа в «Илиаде». Кроме того, «железную стрелу Пандара», по-видимому, можно считать поздней интерполяцией, поскольку та же стрела чуть ниже (II. IV, 132) названа медной. Чтение строф 123 и 124 четвертой оймы еще в античную эпоху подвергалось сомнению Зенодотом. Все оружие, которым сражались герои «Илиады», исключительно бронзовое (медное), в том числе и стрелы (II. XIII, 650, 662). Гомеровскому языку совершенно неизвестны такие выражения, как *σίδηριτης πόλεμος* — «железная война», «война, введущаяся железным оружием» (Пиндар), или *σίδηροφορέω* — «носить оружие», «быть вооруженным» (Фукидид, Аристотель и др.). Упоминание железа в II. XXIII, 826, 834 трудно поддается интерпретации. В нем говорится о «круге самородного железа» (перевод Н. Гнедича) — *σβλος αυτοχάωνος*. Некоторые гомероведы его переводят даже как «кусочек метеоритного железа». Несмотря на неопределенность, данное упоминание неоднократно служило основанием для различных спекуляций в археологической литературе.

⁴⁵ Книга Иисуса Навина, VIII, 30, 31.

⁴⁶ Второзаконие, XXVII, 5.

⁴⁷ Там же, XXVIII, 15, 16, 23.

лом, и изделия из него перечисляются среди сокровищ. Иисус Навин, захватив Иерихон, предает его проклятию: «Город будет под заклятием... И все серебро и золото, и сосуды медные и железные, да будут святынею господу и войдут в сокровищницу господню»⁴⁸. И далее: «...только серебро и золото и сосуды медные и железные отдали в сокровищницу дома господня»⁴⁹. Другое интересное свидетельство сохранено Второзаконием. Несмотря на то что критика Пятикнижия предлагает в данном отрывке понимать под «железом» Септуагинты «базальт» или какой-нибудь другой камень, упоминание «железного ложа», при сопоставлении с «троном» Анитты и сидением Пиндара (см. ниже) само по себе представляет интерес: «И предал господь, бог наш, в руки наши и Ога, царя Басанского... Вот ложе его, ложе железное, и теперь в Раббе, у сынов Аммоновых; длина его девять локтей, а ширина его четыре локтя, локтей мужеских»⁵⁰.

В последней четверти II тысячелетия до н. э. в Палестине железо начинает фигурировать в одном ряду с другими металлами. Теперь оно уже представляет ценность как и всякий металл вообще: «И когда отпускал их Иисус... то сказал им: «С великим богатством возвращаетесь вы в шатры ваши, с великим множеством скота, с серебром, с золотом, с медью и с железом, и с великим множеством одежд...»⁵¹. Неудивительно, что во Второзаконии — архаизованном памятнике, фиксирующем законодательство времен Иосии, мы находим упоминания и о железоплавильной печи⁵², и железо рассматривается уже как полезное ископаемое⁵³. Задолго до Иосии, если судить по Первой книге Самуила, началось производство железного оружия.

В XII в. до н. э. израильтяне вели длительные войны с филистимлянами: «Филистимляне собрали войска свои для войны и собрались в Соххофе, что в Иудее... И выступил из стана филистимского единоборец, по имени Голиаф, из Гефа; ростом он был шести локтей и пяди. Медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню, и вес брони его — пять тысяч сиклей меди. Медные наколенники на ногах его, и медный щит за плечами его. И древко копья его, как навой у ткачей, а самое копье его — в шестьсот сиклей железа...»⁵⁴.

Данный отрывок, по-видимому, описывает более или менее обычный доспех тяжеловооруженного воина. В нем акцентированы не медь или железо, которые представляются автору обыденными, а исключительный вес брони или же величина копья. Начало индустриального производства железных артефактов, определяемое появлением в последние два столетия II тысячелетия до н. э. более или менее распространенного недрагоценного оружия и несколько позднее орудиями труда из железа, нашло отражение и в других частях Ветхого Завета⁵⁵.

Ряд упоминаний о железе содержат и ассирийские источники последней четверти II — первой трети I тысячелетия до н. э. Именно они непрерывно рисуют картину возникновения и развития индустрии железа, насколько можно судить о ней по памятникам культуры, фиксированным текстами. В XIII в. до н. э. таблички из железа в Ашшуре носили коммеморативную функцию. Об этом свидетельствует надпись Салманасара I (1274—1245 гг. н. э.), повествующая о восстановлении храма Эхарсагкуркура: «Великолепный храм... я восстановил с большой заботой для Ашшура, моего господина. Против его фундаментов (таблички из) камня, серебра, золота, железа, бронзы, свинца... я заложил»⁵⁶. Тексты Тукульти-

⁴⁸ Книга Иисуса Навина, VI, 18.

⁴⁹ Там же, VI, 23.

⁵⁰ Второзаконие, III, 3, 7, 10, 11.

⁵¹ Книга Иисуса Навина, XXII, 7, 8.

⁵² Второзаконие, IV, 20.

⁵³ Там же, VIII, 9.

⁵⁴ Первая книга Самуила, XVII, 1, 3—7.

⁵⁵ Числа, XXXV, 16.

⁵⁶ ARAB, 1, § 120.

Нинурты I (1244—1208 гг. до н. э.), упоминающие орудия труда, в качестве материала, из которого они изготовлены, отмечают бронзу⁵⁷.

Во времена Тиглатпаласара I (около 1100 г. до н. э.) мы застаем уже несколько изменившуюся ситуацию. Хотя в Надписи на призме говорится: «Я собрал мои колесницы и моих воинов и по крутой горе и сквозь тяжелые тропы я провел дорогу бронзовыми заступами»⁵⁸, а в другом месте еще раз упоминаются бронзовые орудия⁵⁹, тот же текст содержит и другие свидетельства.

Описывая охоту, Тиглатпаласар сообщает: «четыре тура... моим могучим луком, моим железным копьем и моими острыми дротиками я убил»⁶⁰. На первый взгляд кажется, что качественно новое упоминание железного копья не влечет за собой количественной характеристики металлургических изменений. Однако среди упоминаний железного оружия, часто рассматривавшегося как сокровище, в текстах середины II тысячелетия до н. э. не упоминаются копья, и археологические находки служат тому подтверждением: среди находок драгоценного железного оружия III — середины II тысячелетия до н. э. нет пока что ни одного наконечника копья. Наконец, это свидетельство хорошо перекликается с цитированным выше описанием доспеха Голиафа. Эти данные подтверждают начало индустриального производства оружия из железа в Западной Азии в XII—XI вв. до н. э.

А теперь перенесемся через полтора столетия, в эпоху ассирийских царей Тукульти-Нинурта II (890—884 гг. до н. э.), Ашшурназирпала II (883—859 гг. до н. э.), Салманасара III (858—824 гг. до н. э. по Майсснеру). Здесь читатель попадает в пору развитой индустрии, эпоху широкого освоения железа. Тукульти-Нинурта II, совершив поход против стран Наири, получил в виде дани медь, свинец, железо, дерево, лошадей, мулов⁶¹. Более того, его же анналы сообщают о массовом использовании орудий труда из железа⁶². Тукульти-Нинурта II повествует: «20 мин золота, 20 мин серебра, 32 таланта свинца, 130 талантов меди... 1 талант железа... — вот дань Лакейца Хаматайи»⁶³.

Преемник Тукульти-Нинурта II Ашшурназирпал II широко пополняет запасы железа с помощью накладываемой дани. Под пятым годом царствования его анналы описывают поход на Кутмухи (Коммагена) и Замани. «Два таланта серебра, два таланта золота, 100 талантов свинца, 100 талантов меди, 300 талантов железа, 100 сосудов из бронзы, 3000 медных чаш, медные кубки, медные котлы... я получил»⁶⁴. В том же походе использовались железные орудия для расчистки дороги⁶⁵. Во время походов ассирийцев к Аману и побережью Средиземного моря Ашшурназирпал II получил в виде дани от Сангара, царя Кархемиша и страны Хатте, 100 талантов меди, 250 талантов железа и другое, а от Лубарны Хаттинского близ города Кулулуа — 20 талантов серебра, 1 талант золота, 100 талантов свинца, 100 талантов железа и пр.⁶⁶

Следующий ассирийский царь Салманасар III во время походов против городов Киликии и на Хаттину взымал дань, среди которой фигурировало железо «без меры»⁶⁷. Надпись на Монолите из Курха сообщает о том, что Салманасар III получил в виде дани от царя хаттинитов 300 талантов же-

⁵⁷ Ibid., I, § 160, 165.

⁵⁸ Ibid., § 222.

⁵⁹ Ibid., § 236.

⁶⁰ Ibid., § 247.

⁶¹ ARAB, I, § 405.

⁶² Ibid., § 411.

⁶³ Ibid., § 412.

⁶⁴ ARAB, I, § 466.

⁶⁵ Ibid., § 461.

⁶⁶ Ibid., § 476, 477.

⁶⁷ Ibid., § 583, 585.

леза, от Хайану, сына Габбари, «что живет у подножья горы Амман»,— 30 талантов, а Сангара, царь Кархемиша, поднес ему 100 талантов железа⁶⁸.

Как видно из приведенных текстов, основными областями, откуда ассирийцы получали железо, были Хатте, Хаттина, Аманские горы и Коммагена. Здесь следует отметить, что ассирийцы получали также запасы индустриального железа из района, примыкавшего с северо-востока к указанной территории, т. е. из юго-западной части Армянского нагорья. В этом отношении интерес представляет надпись Ашшурназирпала II на монолите из Курха.

Текст Монолита сообщает: «дань страны Шупре: серебро, золото, медь, свинец, железо...»⁶⁹.

В более позднее время железо настолько прочно вошло в повседневную жизнь, что упоминания о его количестве практически исчезают в ассирийских царских анналах. Иногда, правда, оно мельком отмечается в некоторых летописях. Так, Саргон II сообщает, что он пожертвовал вавилонским храмам «несчетное количество железа». Это, однако, не означает, что слово «железо» больше не встречается в аккадских текстах.

С X—IX вв. до н. э. под влиянием развитой индустрии в мышлении древних народов Западной Азии метафоризируются уже не свойства железа как металла, а типы изделий, созданные в процессе сидерургического производства. В анналах Ашшурназирпала II читаем: «Вершина горы, вздымалась, как острие железного кинжала, и ни одна птица небесная, что летает, не могла достичь ее»⁷⁰.

То же выражение встречается в Анналах при описании подавления восстания в Замуа⁷¹. Постепенно понятие «железный кинжал» становится синонимом оружия вообще. В одном из писем Куянджикской библиотеки Набушумлишир пишет царю: «...но когда слуги царя, моего господина, завоевали их, те, кто избег железного кинжала, подыхают от голода»⁷². В письме Беликиши царю Ашшурбанипалу *patar pazilli* «железный кинжал» опять-таки фигурирует как синоним всякого оружия⁷³. Небезынтересно отметить, что это последнее понятие скрещивается с сакральной функцией железа. Ашшурбанипал (668—626 гг. до н. э.) писал Белибни и народу Ниппура: «Вам известно, что (подобно тому) как железным кинжалом Ашшура (и) моих богов, страна была истреблена огнем...»⁷⁴. Аналогичное выражение содержит и письмо Ашшурбанипала, посланное им Набуушшебши и народу Урука⁷⁵.

Тексты, охватывающие промежуток времени от Саргона II (721—705 гг. до н. э. по Майсснеру) до Ашшурбанипала, содержат некоторые материалы об организации железоплавильного дела за пределами сидерургических центров (в данном случае в Ассирии) в первые века господства железной индустрии. Так, мы узнаем, что запасы ассирийского железа и меди хранились в *bit riduti*⁷⁶. В письме Табцил-эшарра царю Саргону упоминается железоплавильная печь, находящаяся при дворце в городе Ашшур⁷⁷. В данном случае примечательно, что железоделательное производство выступает элементом ассирийского царского хозяйства VIII в. до н. э. Письмо является ответом правителя города на запрос Саргона, который беспокоится о состоянии железоплавильного комплекса (в тексте, кроме печи, упомянуты и другие сооружения) дворцового хозяйства.

⁶⁸ Ibid., § 601.

⁶⁹ ARAB, I, § 501, 502.

⁷⁰ Ibid., § 440.

⁷¹ Ibid., § 450.

⁷² RCAE, 350.

⁷³ Ibid., № 85, об. ст. 7.

⁷⁴ Ibid., № 292.

⁷⁵ Ibid., № 297, 5—6.

⁷⁶ Ibid., № 447, 10, 11.

⁷⁷ Ibid., № 91.

Урартские надписи, относящиеся без исключения к периоду развитой металлургии железа, только однажды упоминают данный металл. Он засвидетельствован летописью царя Сардури II (середина VIII в. до н. э.): «Железную печать я приготовил, надпись я установил в городе Илдамупа»⁷⁸. Очевидно, что в данном случае железная печать имела коммеморативное значение.

В VIII—VII вв. до н. э. применение железа сильно расширяется. Одно из писем Куянджикского архива сохранило требование трех талантов этого металла для строительных работ⁷⁹. Распространение железных деталей в архитектуре VI в. до н. э. установлено в Нововавилонском царстве. Геродот пишет: «Вторая царица (Вавилона.— Г. А.), которую звали Нитокрис ...велела построить мост из вырубленных камней, камни были скреплены железом и свинцом»⁸⁰. Это сообщение дублируется отрывком из «Исторической Библиотеки» Диодора Сицилийского⁸¹. Описания Вавилона заимствованы Диодором у Ктесия Книдского⁸². Что же касается археологических свидетельств об этом сооружении,— на них останавливался еще Р. Кольдевей⁸³. Наконец, следует вспомнить поэмы Гесиода, жившего около 700 г. до н. э. и называвшего свою собственную эпоху пятым веком истории человечества — железным веком. Его произведения отражают состояние развитой индустрии железа в Греции.

На этом можно было бы завершить рассмотрение упоминаний о железе в древнейших письменных источниках, если бы мы не располагали еще одной группой важных документов. Речь идет о сравнительно поздних, реминисцентных фактах проявления функций железа доиндустриальной эпохи, зафиксированных письменной традицией. Число этих свидетельств весьма обширно. Приведем лишь некоторые из них. Описывая Дельфы, Павсаний отмечает: «Недалеко от жертвенника стоит седалище (трон) Пиндара; оно сделано из железа, и, говорят, на нем восседал Пиндар»⁸⁴. В тот же Дельфийский храм фракиянка Родопис, современница Сафо принесла «редкий» дар — железные вертела⁸⁵. Геродот упоминает и о другом дарении Дельфийскому оракулу, поднесенном лидийским царем Алиаттом⁸⁶. Это посвящение, однако, лучше описано Павсанием: «Из тех даров, которые сюда (в Дельфы.— Г. А.) посылали лидийские цари, ничего не осталось, кроме железной подставки для чаши Алиатта. Это произведение Главка с Хиоса, который изобрел способ паять железо»⁸⁷.

Сакральное значение, придававшееся железу, очевидно, проступает в рассказе Геродота о борьбе фокеев с персидским полководцем Гарпагом. Фокеев были вынуждены эмигрировать на Корсику. При этом «они изрекли страшные проклятия тем, кто отстанет от похода. Затем погрузили в море кусок железа и поклялись, что не вернутся в Фокею прежде, чем это железо не всплывет на поверхность»⁸⁸. В разряд этих фактов попадают и некоторые сообщения Плиния Старшего⁸⁹.

Можно много говорить о железной монете в форме слитков, прутьев и т. п., имевшей хождение в Греции и особенно широко распространенной в Спарте даже во времена Ликурга⁹⁰. Наконец, далеко не праздный

⁷⁸ Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. М., 1960, № 155 D, 2—15.

⁷⁹ RCAE, № 566, об. ст. 1.

⁸⁰ Her., I, 185, 186.

⁸¹ Diod. Sic., II, 8, 2.

⁸² Ср. Diod. Sic., II, 7, 4; II, 8, 4 и др.

⁸³ R. Koldewey. The Excavations at Babylon. London, p. 197—199.

⁸⁴ Paus., X, XXIV, 5.

⁸⁵ Her., II, 135.

⁸⁶ Her., I, 25.

⁸⁷ Paus., X, XVI, 1, 2.

⁸⁸ Her., I, 165.

⁸⁹ Plin. Nat. Hist., XXXIV, 141.

⁹⁰ Plut. Lyk., IX, XIX.

интерес представляет то обстоятельство, что в реестре драгоценностей английской короны упомянуты железные сосуды, вертела и сковороды. Список этот относится к XIV в. ко времени царствования Эдуарда III Плантагенета⁹¹.

Приведенные свидетельства письменных источников позволяют, хотя и несколько схематично, обрисовать историю знакомства с железом древних народов Западной Азии. На рубеже III—II тысячелетий и в первой половине II тысячелетия до н. э. железные предметы в изучаемой области крайне редки. Они рассматриваются в роли драгоценностей, и сам металл по причинам, указанным выше, зачастую несет сакральную функцию. В середине II тысячелетия до н. э. число железных изделий в Передней и Малой Азии и Эгее увеличивается, человек лучше знакомится со свойствами железа. Данный процесс нашел отражение в мышлении, характеристики металла становятся метафоричными, переносятся на другие предметы. Это, однако, касалось лишь физических свойств железа, в эпитеты не проникает ни одного выражения, связанного с тем или иным типом — результатом индустриального производства. Ни одна из областей Западной Азии не может считаться обладательницей железоделательной индустрии в XV—XIII вв. до н. э.

В XII—XI вв. до н. э. происходят важнейшие изменения в металлургии. В это время начинает свое развитие индустрия железа в первичных горно-сидерургических центрах Западной Азии. Сталь начинает применяться для производства различных видов оружия. С IX в. до н. э. железные изделия становятся общеупотребительными, основная масса орудий труда уже производится из этого металла. Развитие индустрии раннего железа в XII—X вв. до н. э. находит свое отражение в духовной культуре последующего периода (первая треть I тысячелетия до н. э.). Теперь литературные памятники уже содержат сравнения, метафоры, вытекающие из знакомства их авторов с продуктами сидерургического производства. К концу первой трети I тысячелетия до н. э. индустрия железа уже являлась фундаментальной основой ремесленного производства Западной Азии.

G. E. Arechian

LE FER DANS LA CULTURE ANCIENNE DE L'ASIE ANTERIEURE
ET DU BASSIN DE LA MER EGEE
(D'APRES LES SOURCES ECRITES)

Résumé

La manière dont les peuples antiques de l'Asie Antérieure et de la Méditerranée orientale ont appris à connaître le fer et ses propriétés, la formation de la métallurgie du fer dans cette région, se sont diversement reflétées dans les sources écrites, ce qui les rend l'objet d'une étude archéologique spéciale. Ces sources se subdivisent en trois catégories principales: 1) mythes sur des dieux-forgerons, protecteurs de la métallurgie; 2) légendes sur l'invention et le perfectionnement de l'industrie du fer; 3) mentions précises de la production et de l'emploi de tel ou tel objet de fer. Le troisième groupe de témoignages fait le sujet du présent article. On y détermine la place occupée par le fer dans la culture antique de l'Asie Antérieure. La connaissance des propriétés du fer a débuté par de timides essais de travailler les météorites ferreux, et a abouti à son emploi dans l'architecture des VIIe et VIe ss. av. n. ère. La naissance de la métallurgie du fer, à son tour, s'est reflétée de manière particulière dans la pensée figurative des Anciens.

⁹¹ *R. J. Forbes. Op. cit., t. IX, p. 224.*